

Наук, в 1897 членом-корреспондентом Академии Наук в Петербурге, выдвигался историко-филологическим ее отделением и в действительные члены, но был отклонен по политическим соображениям. Кроме того, Б. состоял почетным членом Казанского университета и Финно-угорского общества в Гельсингфорсе.

II

Уже из этого сухого перечня внешних биографических данных можно сделать некоторые выводы. Прежде всего эта сложная для тех времен канва жизни свидетельствует о крайней живости и подвижности духа и полном отсутствии даже возрастного консерватизма: и в 50, и в 60, и в 70 лет Б. не боялся ломки внешних форм своей жизни — настолько очевидно было сильно ее внутреннее содержание. Это сопоставляется и с некоторыми особенностями научной физиономии покойного: он не был ничьим учеником, не принадлежал ни к какой школе, сам себя называя автодидактом (он осознавал в молодости лишь влияние чтения сочинений Штейнтала, а через них идей Гумбольдта); надо полагать, что он духовно был выше большинства своих учителей, а многие, как Шлейхер и Срезневский, действовали на него лишь отталкивающе или своей догматичностью, или своим равнодушием к общим идеям; всю свою жизнь по всем решительно вопросам Б. занимал — и вовсе не старался занимать — собственную, нетрафаретную позицию. Это предполагает громадный избыток духовных сил вообще и творческих в частности.¹

Далее из фактов внешней биографии можно вывести и другую черту духовного облика Б., стоящую, конечно, в связи с предшествующей. Он был всегда и везде в неладах с «властями предержащими». Лицемерие, ложь и насилие были для него органически невыносимы. И в своих выступлениях на защиту угнетенных — будь то народность,² будь то личность, будь то мысль — он не считался ни с чем, зачастую доходя при этом до донкихотства, и казался одним смешным и неудобным чудачком, а другим опасным и злобным маньяком. Для ближе знавших его он был «рыцарем правды» в самом лучшем и высоком смысле. В науке это выражалось в самой отчаянной борьбе с дутыми авторитетами, с косностью и рутинной, с «жречеством»,

¹ Небольшая книга «Об отношении русского языка к русскому письму». СПб. 1912, которая предназначена была для учителей русского языка и которую поэтому едва ли внимательно читали высоко квалифицированные лингвисты, показывает очень наглядно, что и банальные вещи могут стать источником для глубоких научных размышлений под взглядом высокого и пытливого ума.

² В царской России он защищал евреев, литовцев, латышей, эстонцев и поляков от господствовавшей национальности; в новой Польше он не с меньшим, если не с большим, жаром защищал тех же евреев, белорусов, украинцев от польского шовинизма.